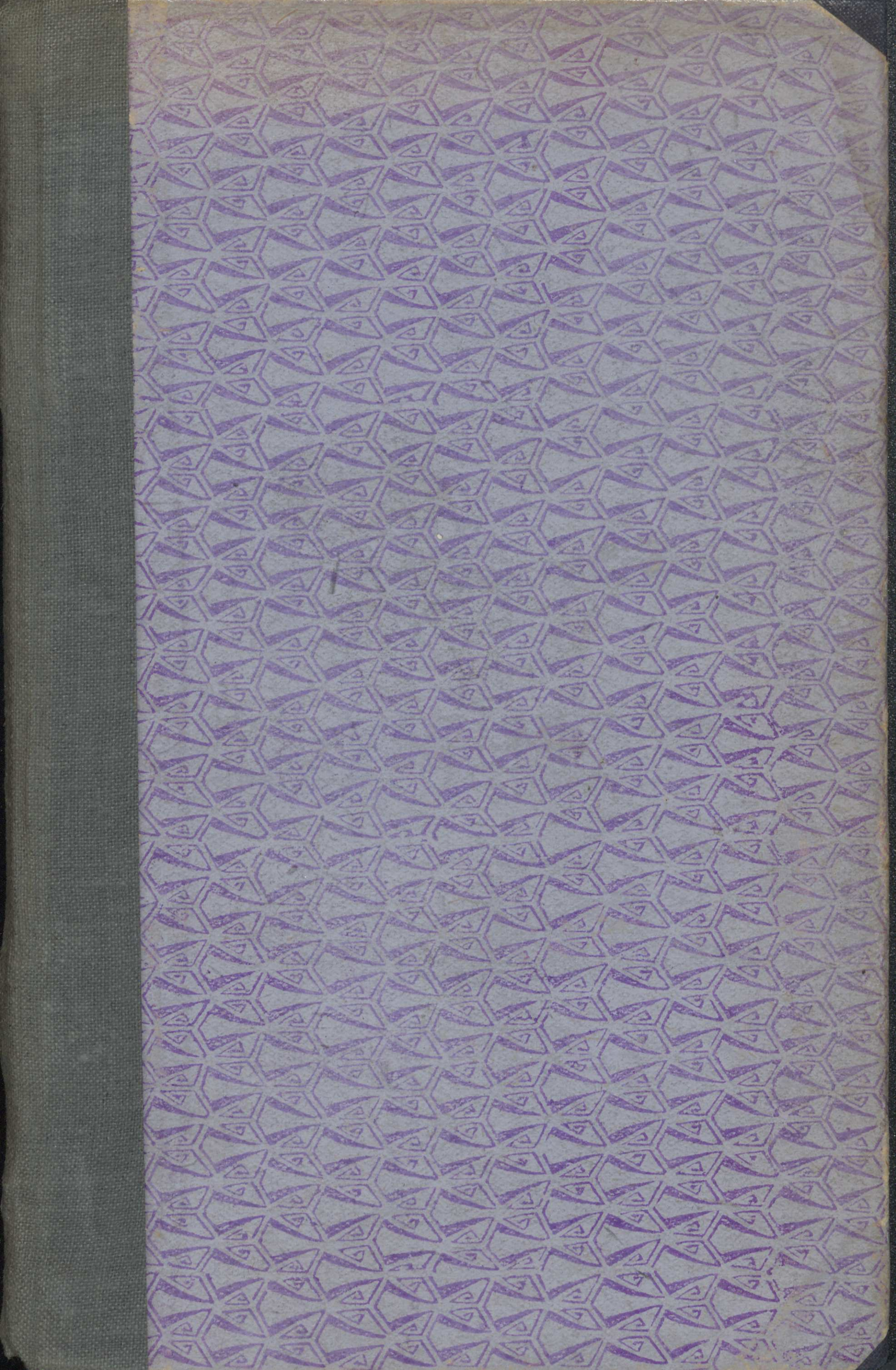
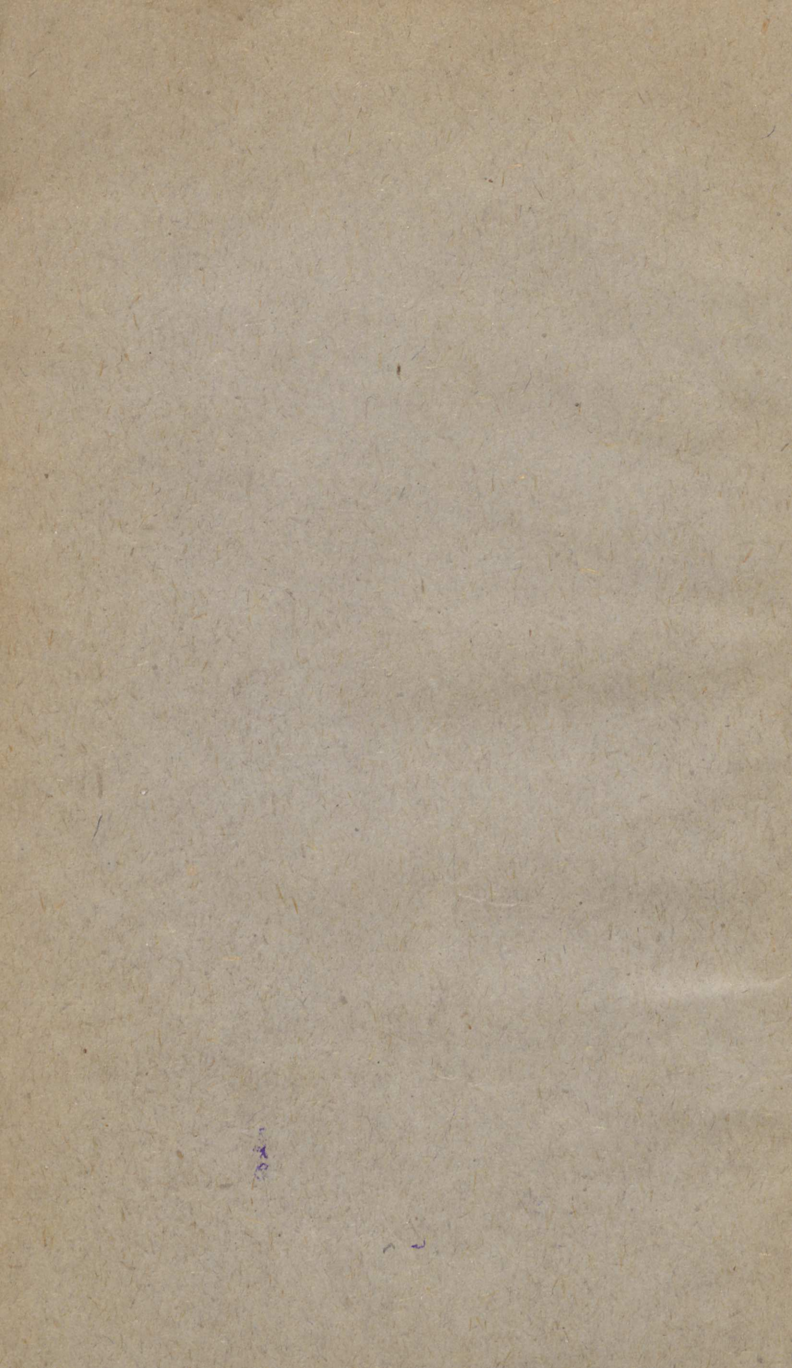

ГУРТАДО
И
МИРАНДА
ИЛИ
ПЕРЬВЫЕ
ИСПАНСКІЕ ПОСЕЛЯНЕ
ВЪ ПАРАГВАѢ.

Съ Французскаго перевелъ Е. Ф.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.
Печатано съ Указнаго дозволенія у Шнора.
1788 года.

ГУРТАДО и МИРАНДА

ИЛИ

ПЕРЬВЫЕ ИСПАНСКІЕ ПОСЕЛЯ' ВЪ ПАРАГВА.

Мы не намѣрены здѣсь описывать пути, по которымъ Испанцы достигли до Парагвая; а предъоставляемъ путешественникамъ описанїе сего государства и прейдемъ съ молчанїемъ все до мореходства и торговли относящееся. Естьли же и говоримъ здѣсь о Испанцахъ; то сїе единственно для того, что оба героя сего романа суть Испанцы.

Прибытіе Испанцовъ нарушило спокойствіе дикихъ Парагвайцовъ. Всѣ блага, коими природа щедро наградила сію страну, и коими жители въ спокойствіи наслаждались, были вдругъ жестоко отняты. Парагвайцы двоекратно уже отражали своихъ побѣдителей; но усилія сіи были безплодны. Жадность привлекала Испанцовъ паки къ симъ плодороднымъ брегамъ; Севастіанъ Каботъ приближился къ онымъ на кораблѣ и уготовилъ Испанцамъ завоеванія. Убійство шествовало по его стопамъ и блаженство оставило навсегда сію изобильную страну.

Между Испанцами, коихъ корыстолюбіе, а не любовь къ

славѣ привело въ Парагвай, находились непобѣдимый Гуртадо и Луція Миранда, его супруга. Миранда пустилась въ море, что бы слѣдовать за своимъ мужемъ и показать дикимъ новаго міра, что въ Европѣ единое благо въ жизни изъискивается въ любви и красотѣ. Мангора, Касикъ Тимбуезскій, съ коимъ Испанцы заключили союзъ, увидѣлъ Миранду, почувствовалъ всю власть неизвѣстнаго ему божества, и не изъясняясь, что онъ влюбленъ, разжегся яростію къ мужу Миранды. Но и сего еще было недовольно, онъ хотѣлъ открыть прекрасной Испанкѣ пораженіе ея мужа. Въ то самое время намѣревались Испанцы съ нимъ заключить для нихъ

весьма выгодный трактатъ; а по тому Мангора и предполагалъ, что его не раздражать, и что Гуртадо его подозрѣвать будетъ менѣе. До сихъ поръ казался онъ согласнымъ на всѣ предложенія Кабота, но потомъ сталъ онъ со дня на день дѣлать болѣе и болѣе затрудненій, и когда уста его говорили Гуртаду нѣтъ, тогда казалось, что взоры его говорили Мирандѣ, да. Казалось, что онъ ее токмо желалъ и ее одну искалъ. Испанцы сіе примѣтили, и Гуртадо почелъ долгомъ согласиться на ихъ просьбы. По чему поручено было Мирандѣ производить ихъ негоцїацїю съ Касикомъ. Мангора слушалъ ее, когда былъ съ нею наединѣ;

въ присутствіи же Испанцовъ ни мало не слушалъ. Когда ему казалось, что Миранда идетъ къ нему, то онъ удалялся отъ Испанцовъ, и какъ бы ей говорилъ: слѣдуй за мною, тамо въ уединенныхъ пещерахъ хочу я внимать рѣчи твои и упасть къ ногамъ твоимъ. Миранда останавливалась, но Гуртадо ее ободрялъ. -- Иди, любезная супруга, говорилъ онъ ей, Касикъ тебя любитъ и тебѣ нечего опасаться; я тебя люблю, и такъ же ничего отъ тебя не опасаюсь. А при томъ знай, что я буду неподалеку отъ тебя: твой крикъ конечно дойдетъ до меня; будь увѣрена, что сердце мое будетъ предчувствовать твою опасность. —

Миранда, коей поручено исходатайствовать выгоды для новаго Испанскаго селенїя слѣдуетъ за Мангоромъ, ведущимъ ее къ горамъ. Она шла робко. Мангора далъ ей свою руку для подкрѣпленїя. — Куда намъ идти далѣе? говорила Миранда. — Мы еще очень близки къ Испанцамъ, отвѣтствовалъ ей Мангора. -- Да чего же ты хочешь? -- Вскорѣ узнаешь ты. — Когда одна стѣна сокрыла ихъ отъ очей Испанцовъ, тогда началъ ей говорить Мангора: сядь, отдохни; сюда хотѣлъ я тебя привести. Уже довольно времени говорилъ я съ тобою при свидѣтеляхъ, теперь позволь мнѣ побесѣдовать съ тобою наединѣ, и чтобъ токмо ты одна

меня слышала. Я тебя люблю, прекрасная Миранда, я тебя обожаю. Владѣтель обширнѣйшія страны, я могу подвергнуть стопамъ твоимъ все, что Парагвай имѣетъ наидрагоцѣннѣйшаго. Я могу тебѣ дать все то, что Испанцы ищутъ преходя моря и предаваясь опасностямъ. Ты будешь царствовать, повелѣвать народомъ, котораго твоя красота содѣлаетъ къ тебѣ идолопоклоннымъ. Теперь ты токмо жена простаго Капитана, который долженъ исполнять повелѣнія другаго, а сей повиноваться власти своего Государя. Сіе состояніе тебѣ не прилично. Естьли Гуртадо тебя любитъ, то нѣжность его не можетъ ни мало сравниться

съ нѣжностїю Мангоры, которою онъ клялся любить тебя съ перьвагo раза, какъ взоры его встрѣтились съ твоими. Ты не знаешь, сколь страстно въ сей странѣ любятъ. Здѣсь любятъ по конецъ жизни; здѣсь ни непостоянство, ни презрѣнїе не остаются безъ наказанїя. При сихъ послѣднихъ словахъ Миранда улыбнулась. — Слава Богу! что я не родилась въ сихъ странахъ; я не имѣю нужды страшиться вашего мщенїя. Я жена; клятвенное обѣщанїе данное моему мужу, не позволяетъ мнѣ соотвѣтствовать твоей страсти, а особливо когда презрѣнїе здѣсь нетерпимо. На меня, какъ тебѣ извѣстно, возложено попеченїе склонить тебя къ под-

писанїю трактата; ты подъ симъ предлогомъ привелъ меня въ сїе мѣсто. Болѣе я ничего предлагать тебѣ не дерзаю. — Дерзай все, Мангора ни мало не перемѣнился. Онъ тебя еще все любитъ, и готовъ исполнить все, что ты ему ни повелишь. — И такъ подпиши. — Мангора взялъ перо и сдѣлалъ обыкновенный свой знакъ. — Но съ тѣмъ условїемъ, сказалъ онъ, что бы ты признанїе моей къ тебѣ нѣжности сохранила отъ мужа твоего въ тайнѣ. -- Я тебѣ обѣщаю. — Теперь не провожу я тебя назадъ; здѣсь притворствовать не умѣютъ. Твой отказъ привелъ меня въ великое унынїе; изъ перемѣны лица моего всякъ узнаетъ мое смущенїе.

Какъ скоро я немного успокоюсь, то прійду къ вамъ. По сдѣланному мною тебѣ признанію можешь ты вѣрить, что мнѣ тѣ мѣста токмо пріятны, гдѣ ты.

Миранда возвратилась къ Испанскимъ селеніямъ весьма довольна исполненіемъ порученнаго ей. Мангора удалился, отчаяніе и ярость обладали его сердцемъ. Пронзить грудь Гуртадову, похитить у его Миранду; были тѣ злые умыслы, кои начали вселяться въ его сердце. Напасть вооруженною рукою на сего храбраго Капитана, есть подвергнуть себя тысячи опасностямъ; вѣроломство казалось ему быть наинадежнѣйшимъ къ тому способомъ. Онъ скрывалъ свою до-

саду, умножалъ свое уваженіе къ Гуртаду и старался поставить ему сѣти, льстя его честолюбію. — Что дѣлаешь ты, говорилъ онъ, посреди сихъ Испанцовъ, превосходя ихъ всѣхъ храбростію? Ты замѣшанъ въ ихъ толпѣ. Малой твой чинъ не соотвѣтствующій твоей храбрости, ни мало не отличаетъ тебя отъ прочихъ. Ищи благороднѣйшей мзды за столь многіе подъятые тобою труды. Иди царствовать со мною надъ народомъ, который съ ревностію будетъ исполнять твои повелѣнія и повиноваться твоей прекрасной Мирандѣ.

Къ щастію Гуртада Миранда не скрыла отъ него Мангоровой тайны. Гуртадо почиталъ

лучше удалиться отъ сего Касика, нежели быть принужденнымъ наказать его за любовь, которая должна ему быть оскорбительна. — Честь и присяга, говорилъ онъ ему, которую я далъ своему Государю, препятствуютъ мнѣ оставить служенїе подъ моимъ начальникомъ. Переметчикъ и бѣглецъ, суть весьма поносныя имяна. При томъ не могу я оставить своихъ друзей, своихъ соотечественниковъ: къ чему оставлять мнѣ надежду увидѣть мое отечество, колыбель моей Миранды, мѣста, гдѣ мои очи узря ее воспламенились любовїю, и гдѣ мое сердце почувствовало все блаженство.

Мангора началъ подозрѣвать

Миранду въ ея нескромности, и гнѣвъ его обратился на ее и на ея мужа. Онъ старался изъискать удобное время къ нападенїю, или на селенїе Испанское или на Миранду. Вскорѣ открылся желанїю его благопрїятствующїй случай. Гуртадо вышелъ изъ гарнизона съ пятьюдесятью солдатъ, дабы мечемъ снискать себѣ пищу. Остальный гарнизонъ по причинѣ удаленїя Гуртадова былъ недовольно силенъ. Мангора приближился немедлѣнно къ нему съ четырьмя тысячами Индейцовъ. Онъ старался ихъ хорошо вооруженныхъ сокрыть близь крѣпости въ закрытомъ болотѣ; потомъ шествуя къ вратамъ крѣпости съ своими

тридцатью воинами, кои несли запасъ, приказалъ онъ сказать начальнику гарнизона, что освѣдомясь о недостаткѣ, которой Испанцы, его друзья, претерпѣваютъ въ съѣстныхъ припасахъ, поспѣшаетъ онъ имъ оные доставить, покуда они не получатъ новыхъ съ отправленнымъ для того конвоемъ. Великодушіе начальника было весьма удалено отъ недовѣрчивости, что бы въ добровольныхъ подаркахъ союзника подозрѣвать какое-либо вѣроломство. Онъ принялъ Касика съ искреннѣйшимъ изъявленіемъ своей признательности, и хотѣлъ его съ войскомъ угостить всемъ тѣмъ, что онъ изъ Европейскихъ иностранныхъ про-

дуктовъ могъ присоединить къ ѣствамъ природою въ сей странѣ произведеннымъ. Онъ сдѣлалъ изъ сего смѣшенія пиршество; и послѣ упоенія и пресыщенія предались они всѣ сѣтямъ сна, или лучше сказать, смерти.

Касикъ уже предварительное далъ своимъ войскамъ повелѣніе; они стояли позади; все было заблаговремянно предъусмотрѣно и опредѣлено для содѣланія толь позорной измѣны. Ѣдва предались Испанцы сну, какъ уже свѣтъ пламени пожирающаго ихъ магазейнъ возвѣстилъ Тимбуезцамъ идти на разореніе сего мѣста. Воины, коимъ долженствовало охранять оный, отъ крика и сія-

нїя пламени пробудившись, еще отягченные виномъ, едва бѣжали погашать оный. Въ продолженїи сего безпорядка виновники сего заговора отворяютъ врата своимъ сотоварищамъ, и совокупясь вмѣстѣ нападаютъ съ обнаженными мечами на Испанцовъ, которые въ недоумѣнїи, бѣжать ли огня или врага. Начальникъ ихъ смертельно раненный не помышляетъ о извлеченїи изъ внутренности своей поразившей его стрѣлы, но о вонзенїи въ сердце Манго-рово своего меча. Касикъ и онъ падаютъ, поражая другъ друга взаимно; они издыхаютъ вмѣстѣ въ ручьѣ крови Испанцовъ и дикихъ, той крови, которая бы никогда не могла смѣшаться,

какъ токмо на таковомъ крово-
пролитномъ сраженіи.

Миранда, невинная причина
сего ужаснаго позорища, пребы-
вала на мѣстѣ съ четырьмя жен-
щинами и четырьмя младенца-
ми неподвижно. Она была при-
ведена къ Сирипѣ, брату Ман-
горову. Любовь ожидала ее у се-
го Касика и приуготовляла ей
новыя бѣдствія. Сирипа тот-
часъ начинаетъ ей изражать
свои желанія и свои мольбы.
Покоренъ, почти дрожащій за-
клинаетъ онъ ее, чтобъ она
хотя обратила на его свои взо-
ры и освѣтила лучами очей сво-
ихъ его щастіе. Отвѣтъ Ми-
ранды токмо тотъ. — Я за-
мужная жена. — Тщетно ста-
рается Сирипа ее увѣрить, что

Гуртадо безъ сомнѣнія убитъ стрѣлами дикихъ. Миранда отвергаетъ сію печальную мысль; и когда увѣряется о смерти своего мужа, то отвѣтствуетъ ему слезами. Когда же онъ на ее наступаетъ, то она вздыхаетъ. -- Увы! естьли его нѣтъ; то жизнь моя мнѣ ненавистна; дайте мнѣ умереть. — Отчаяніе овладѣло ея душею; она хочетъ окончить дни свои. Тогда старается Сирипа перемѣнить свой разговоръ и доказать ей, что храбрый Гуртадо не могъ погибнуть отъ ударовъ дикихъ. Онъ бросается къ ея ногамъ; онъ увѣряетъ, обманываетъ даже ее, обѣщая ее болѣе не любить. Онъ дѣлаетъ ей сей обѣтъ; но въ ту самую

минуту старается отъ нее вынудить признанїе, что когда нибудь тронута его приверженностїю, не склонится ли она содѣлать его наиблагополучнѣйшимъ изъ смертныхъ. -- Уже ли ты болѣе никого не любишь, говорилъ онъ ей, и можешь ли ты кого-либо любить кромѣ Сирипы? Миранда имѣетъ довольно твердости духа сказать ему, что она хочетъ женщинамъ показать примѣръ добродѣтели, такъ какъ мужъ ея примѣръ храбрости, и признавалась ему, что она всегда одного токмо Гуртада любить будетъ. Миранда провождала всѣ дни, то обливаясь слезами, то приуготовляясь къ смерти, то угнѣтаема жестокимъ презрѣнїемъ

дикаго Сирипы, который не преставалъ ей предлагать сокровища, свой вѣнецъ и свою руку. Она принуждена была видѣть Сирипу, то поверженна у своихъ ногъ, то слушать его угрозы.

Наконецъ возвращается Гуртадо; онъ находитъ кучу пепла на томъ мѣстѣ, гдѣ была крѣпость Испанцовъ. Онъ произноситъ имя Миранды: гласъ его теряется въ воздухѣ: крикъ его безсиленъ; ярость его ни кѣмъ не внемлется. Тщетно ищетъ онъ въ разсѣянномъ пеплѣ слѣдовъ Миранды. Дни его протекаютъ въ трудныхъ отъискиваніяхъ. Наконецъ узнаетъ онъ, что Миранда жива, что одинъ Касикъ ее держитъ при своемъ

дворѣ. Ему расказываютъ пространно повѣсть любви Сирипы. Онъ дрожитъ при семъ повѣствованїи и страшится всего. — Но нѣтъ, вскричалъ онъ, естьли бы она престала быть вѣрною, то бы ее болѣе на свѣтѣ не было. О! вы, говорилъ онъ, обратясь къ Испанцамъ, вы, которыхъ я велъ къ славѣ посреди тысячи опасностей; вы, которые не престанете побѣждать, доколѣ я вами начальствовать буду; вы, коихъ великое число никогда не устрашало, и которые уже годъ шествуете по бранному полю на погребенныхъ тѣлахъ отъ рукъ вашихъ погибшихъ, клянитесь мнѣ слѣдовать за мною, сражаться и умирать. -- Испанцы

не медлили произнесть клятвенное обѣщанїе. -- И такъ пойдемъ, сказалъ Гуртадо. --

Не нужно здѣсь говорить, что Гуртадо достигнулъ дворца Касика, но важнѣе всего упомянуть, что онъ пятьюдесятью Испанцами не могъ покорить четырехъ тысячь человѣкъ. Всѣ погибли, онъ одинъ остался живъ. Сїе было наигорестнѣйшее злополучїе. Его присутствїе воспалило свирѣпость ревности Сирипы; онъ повелѣлъ умертвить Гуртаду. Миранда падаетъ на колѣни предъ Касикомъ. Она дерзаетъ болѣе; властительное дѣйствїе любви! она дерзаетъ просить у Сирипы позволенїе увидѣть своего мужа. Сирипа разъяренный гнѣ-

вомъ, уязвленный ревностію, снѣдаемый тысячью огнями, не можетъ отказать сей милости. Онъ позволяетъ Мирандѣ имѣть свиданіе и говорить съ ея мужемъ; но онъ ей запрещаетъ, и по сему-то узнаютъ любовь и ревность; онъ запрещаетъ ей усладить участь Гуртадову тѣми ласками, кои бракъ позволяетъ. Миранда обѣщала все ревнивому Касику. Она обѣщала конечно съ великою довѣренностію; она мыслила, что довольно для любви, чтобъ разговаривать и чувствовать, что нѣтъ для насъ пріятнѣйшаго мѣста, какъ то, гдѣ мы вмѣстѣ бываемъ съ обожаемымъ нами предмѣтомъ. Кто изъ насъ уже не содрогнулся при безразсуд-

ной клятвѣ Мирандиной? Посмѣемъ ли мы здѣсь начертать мученіе Гуртада? могло ли толь жестокое повелѣніе произнесено быть кѣмъ другимъ, какъ токмо дикимъ соперникомъ. Когда самовластитель мертвыхъ, восхищенный звукомъ извлекаемымъ печалію изъ лиры Орфея, возвращаетъ ему его жену, и смѣется его нѣжности, возбраняя ему взирать на обожаемую имъ супругу, то всякъ при чтеніи таковой Епизоды преисполняется гнѣва. Гуртадо испыталъ всѣ тѣ мучительства, кои уготованы были Орфею.

Они свидѣлись и сѣли подъ тѣнію кустарника. Гуртадо бросясь на колѣни, проливалъ слезы на груди Миранды, а она

орошала оными чело его. За мгновенїе предЪ свиданїемЪ сЪ Мирандою, Гуртадо былЪ жестокЪ какЪ левЪ; онЪ рвалЪ свои оковы и билЪ себя цѣпьми. ВЪ присутствїи Миранды оковы его сдѣлались легкими; онЪ дерзаетЪ говорить о благополучїи; дерзаетЪ вѣрить благополучїю. -- Я тебя опять вижу, дражайшая Миранда, говорилЪ онЪ. Я опять тебя вижу, я щастливЪ. О! естьли бы мнѣ позволено было наслаждаться ежедневно симЪ благомЪ; я бы отрекся отЪ моихЪ надеждЪ, отЪ Испанїи, отЪ всего свѣта. Увы! благо и зло, гордость и щастїе меня не трогаютЪ. МїрЪ для меня то мѣсто, которое занимаетЪ Миранда, щастїе мое при ней.

Злополучїе для меня, когда ее нѣтъ со мною.

Иногда Миранда называла Гуртада имянемъ брата. Гуртадо отвѣтствовалъ ей на сїе прїятное имя печально: Я твой братъ. Ахъ! судьба и бракъ дали мнѣ гораздо драгоцѣннѣйшее имя. -- Я знаю, отвѣтствовала Миранда; но когда тебѣ не можно быть моимъ супругомъ, то будемъ жить какъ бы я была твоя сестра. Естьли бы намъ возможно было не питать другой мысли, какъ токмо сей, то бы мы не столько были злополучны. -- Ахъ! --

Иногда Миранда, что бы утолить горячность Гуртада, говорила ему: мнѣ помнится, Гуртадо, ты меня любилъ до на-

шего брачнаго сочетанія. -- Любилъ ли я тебя? --- И такъ я была для тебя священнымъ кумиромъ; но ты меня покидалъ спокойно и возвращался ко мнѣ на другой день. Воспомнимъ протекшее; почитай меня твоею любовницею, и престань во мнѣ искать твою супругу. Угаси въ семъ близь текущемъ источникѣ пламенникъ брака и возжги свѣтильникъ любовію небесною и чистою, который освящалъ всегда твои стопы ко мнѣ грядущія, и который тебя провожалъ домой. Естьли я помню, то единое мое слово совершало твое благополучіе. Ты отъ меня ничего не требовалъ; ты не имѣлъ смѣлости отъ меня чего-либо требовать;

и такъ, Гуртадо, преобратись симъ скромнымъ любовникомъ, который никогда не хотѣлъ заставлять краснѣть свою драгую Миранду. ---

Настаетъ ночь, ночь сія принуждаетъ ихъ другъ съ другомъ разлучиться: что я говорю: ночь; она уже давно спустила свой покровъ. Луна уже давно простерла округъ ихъ свое блѣднѣющее сіяніе. Они не примѣтили отбытіе дня. -- До завтря, до завтря, сказали они другъ другу.

Еще до восхожденія утренняя зари пришелъ туда Гуртадо. Что дѣлалъ онъ подъ симъ кустарникомъ? О! мои читатели, можете ли вы меня спрашивать, что дѣлаетъ любов-

никъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ вчера покинулъ свою любовницу? Онъ позабылъ весь свѣтъ: онъ никого кромѣ ея не видитъ, ею одною занимается. Уже ли вы думаете, что онъ примѣчаетъ, что ее тамъ нѣтъ? что ему нужды въ отсутствїи ея тѣла; не видитъ ли онъ ее? не украшаетъ ли онъ ее въ своемъ воображенїи? не думаетъ ли онъ ее видѣть и чувствовать близь себя? Ахъ! когда онъ садится на дернъ, то онъ ее сажаетъ возлѣ себя; естьли онъ прохаживается, то онъ шествуетъ съ нею. Естьли говоритъ . . . . Онъ ей говоритъ . . . Ему не отвѣчаютъ; но онъ самъ себѣ тихо при каждомъ шагѣ говоритъ, можетъ

быть: Ахъ! безъ сомнѣнія она мнѣ внемлетъ, и продолжаетъ говорить съ нею.

О мои читатели! кто изъ васъ не приходилъ проливать слезы на хладную урну вашего друга или вашей другини? Кто изъ васъ обнявъ сіе священное хранилище могъ воздержаться отъ нѣжныхъ роптаній, отъ сихъ изліяній болѣзненнаго воспоминанія? Кто изъ васъ не говорилъ, не вскричалъ: гдѣ ты, дражайшая другиня? Явись обожаемая тѣнь! Кто изъ васъ не повѣрилъ, что гласъ его услышанъ? Ахъ! сохраните сію пріятную мечту влюбленнаго вооброженія; вѣрьте, что любовникъ можетъ призывать свою любовницу, можетъ въ ея от-

сутствіи ей говорить и думать, что она его слышитъ! Гуртадо пресѣкъ свои восклицанія предпріятіемъ труда ему весьма драгоцѣннаго. Онъ изъ дерна воздвигаетъ жертвенникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ вчера бесѣдовалъ съ своею дражайшею Мирандою. Въ память начерталъ онъ кускомъ дерева на дернѣ слѣдующія слова: *Въ хорошій день, въ день однакожъ покрытый тучами, былъ я съ нею; прохожіе, естьли хотите вѣдать, кто та красота, которую я здѣсь описываю, то знайте, что я любовникъ, а имя той, которую я люблю, есть тайна для всего свѣта. Тако хочетъ любовь.*

Вскорѣ былъ жертвенникъ

готовъ. Ахъ! вы знаете читатели, любовь не медлитъ возжигать жертвенниковъ красотѣ. Гуртадо покрылъ его цвѣтами. Онъ былъ ими преисполненъ: сего не было довольно; сто вѣнцовъ были разсѣяны или развѣшаны округъ его. --- Развѣшивая ихъ вскричалъ онъ: вы знаете вѣнцы сїи суть ли вѣнцы щастїя. Я ихъ получилъ даже и не отъ надежды. Утѣшительная надежда, перьвое и нѣжное божество любовниковъ, ты, которую обрѣтаютъ при входѣ въ храмъ любви, и такъ ты мнѣ никогда не откроешь твоихъ небесныхъ вратъ! они навсегда для меня закрыты пребудутъ! прїятная надежда, ты меня оставляешь! любовь, ты

подобно огню стихїйному, переживаешь всѣ времена, одушевляешь всѣ мѣста, ты, которая послѣ десятилѣтняго брака украшаешь цвѣтами брачное ложе; ты, которая при нощномъ молчанїи освѣщаешь твоими лучами очи боязливой невинности; ты, которая приходишь садиться подлѣ времяни и гладишь лысую главу его; ты, которая стараешься изсушить источникъ нашихъ золъ, и которая призываешь иногда усмѣшку на сей излившїйся источникъ; ты нѣжная любовь, которая приносишь иногда на гробницу годичныя слезы; ты наклоненная на бездушный мраморъ плачешь, любишь, возвращаешся призывать дражай-

шїя тѣни, дай мнѣ силу противоборственную, сотвори, чтобъ я всегда любилъ; хотя бы я и долженъ былъ любить одинъ ---!

Миранда застала его въ сихъ нѣжныхъ восклицанїяхъ. --- Я не спрашиваю, говорила она, для кого сей жертвенникъ. Сердце твое никогда не обольщало; ты сїе довольно ясно показалъ. Возовемъ тѣ часы столь краткїе и столь долгїе, столь прекрасные и столь печальные, когда печаль столь близка къ удовольствїю, когда мы то желаемъ, то не желаемъ, когда мы ссоримся и опять скоро миримся; наши тогда непослушныя головы не хотѣли преклоняться подъ вѣсами, кои любовь дер-

жала въ рукахъ, и коимъ она насъ хотѣла поработить, дабы содѣлать насъ нѣкогда болѣе блаженными, согласуя всѣ наши чувствованія. Мы тогда другъ друга любили; но не могли вѣрить, чтобъ мы довольно любились. Между тѣмъ сколько обѣтовъ, сколько увѣреній! перьвый годъ нашей любви протекъ. Во второмъ мы уже менѣе говорили: я тебя люблю. Мы тогда болѣе любились. Новая кровь, говорилъ Гуртадо, обращалась въ нашихъ жилахъ. Сердце мое токмо для тебя билось: нѣмъ и глухъ ко всему, что меня окружало, я чувствовалъ токмо надобность говорить за тебя и тебя слушать. Естьли часъ, въ который я привыкъ

тебя видѣть, проходилъ, и я тебя не видѣлъ, то я ощущалъ не желанїе и не безпокойство . . . . . но гладъ, жажду. Лишь только я тебя видалъ, всѣ мои нужды удовлетворялись. Я въ тебѣ носилъ чувствїе сходства. Тихїй гласъ меня въ томъ увѣрялъ, и твое око измѣряя меня говорило: ты рожденъ для Миранды. Меня уже не тревожило болѣе желанїе тебѣ нравиться, я чувствовалъ, что я тебѣ нравлюсь. Таковъ былъ второй годъ нашей любви. Бракъ ознаменовалъ третїю епоху нашей нѣжности, любовь украшала всѣ наши минуты. Всегда убранная розами, всегда веселящая, сколь часто, любезная Миранда почиталась она бракомъ. ---- Ахъ!

всегда я была обманута, да какъ и не быть! любовь и бракъ происходятъ отъ одной семьи; они одноплеменные: любовь, думаю я, старшая сестра. Сестра прелестная, подруга, пріятельница Грацій, мать увеселеній! о любовь! --- О любовь! вскричалъ Гуртадо, преклоня къ землѣ свое колѣно . . . --- Миранда послѣдовала ему; оба съ распростертыми къ небу руками говорили: о любовь! тщетно тебя ищутъ на небесахъ; (взирая другъ на друга) когда же ты столь могущественна на земли; любовь! утоли свирѣпость нашего жребія. ---

Послѣ краткаго молчанія показываетъ Миранда Гуртаду небо. --- Уже ночь, говоритъ она.

Вотъ день хорошо оконченный! О естьли бы множество ихъ такъ спокойно протекали. --- Прежде, какъ они разлучились, спросилъ Гуртадо у Миранды, увидитъ ли онъ ее завтря? --- Да, отвѣтствовала она въ слухъ. Нѣтъ, сказала она сама себѣ. Удаляясь говорила Миранда: мнѣ должно быть нѣсколько суровою. Весьма то мало, что я могу ему дать, слѣдственно должно придать сему малому болѣе важности. Завтря онъ меня не увидитъ; онъ будетъ обо мнѣ тосковать цѣлый день; и я его не увижу цѣлый день. Ахъ! и сїи смущенїя въ отсутствїи случающїяся имѣютъ свою цѣну. Слезы, которыя тогда проливаются, горячи, но не

горьки. Завтря онъ меня не увидитъ. -- Принявъ сїе намѣренїе, сердце ея стѣсняется; горячка уже покрываетъ ея чело потомъ; теплыя перлы стекаютъ вдоль по ея ланитамъ. Она входя въ свое жилище воздыхаетъ; ей казалось, что намѣренїе ея не увидѣть Гуртада, отягчаетъ цѣпи его въ темницѣ.

На другой день солнце не освѣщало нѣжности двухъ любовниковъ. Гуртадо прибѣгалъ ранѣе восхожденїя солнца. Перьвые лучи утреннїе вызывали его къ жертвеннику его руками сооруженному. Онъ увеселялся покрывать его влажными цвѣтами. Поспѣшный приходъ Сирипы къ сему мѣсту принудилъ его уда-

литься. --- И такъ, вскричалъ онъ, я ее не увижу цѣлый день? О день, о небо!

За чемъ пришелъ Сирипа сюда? Онъ пришелъ искать магнита, который чрезъ цѣлые дни притягиваетъ сюда Гуртада и Миранду. Спїонъ его увѣдомилъ о ихъ вѣрности. Что они здѣсь дѣлаютъ? вскрикнулъ Сирипа. Что они здѣсь дѣлаютъ? -- Читатели, вы конечно никогда бы не сдѣлали таковаго вопроса, что они здѣсь дѣлаютъ? Они взаимною другъ къ другу пылали любовїю, говорили о томъ и не уставали возобновлять сїе увѣренїе: они были блаженны. Сирипа спрашивалъ спїона; и сей показывалъ ему съ насмѣшкою храмъ и передразнивалъ

пантомины двухъ супруговъ. — Они, говорилъ онъ, или младенцы или дураки. — Ахъ! по истиннѣ, кто болѣе, какъ не любовникъ изъявляетъ младенчество или дурачество? Его поведенїе, его мысли, его идолопоклоненїе, его исключительное богослуженїе, все въ немъ превыше обыкновенной жизни. Хладныя души, тщетно вы покушаетесь ему уподобляться; онъ въ рукахъ своихъ не имѣетъ ни краснорѣчїя, ни компаса. Сильно кипящая и въ сердце вливающаяся его кровь не позволяетъ ему наблюдать равновѣсїя. Сирипа не могъ не понимать любви; естьли бы онъ былъ чувствительнѣе, то бы онъ почиталъ сей жертвен-

никъ, сїи цвѣты, сїе чистое приношенїе. Жертвенникъ былъ истребленъ, цвѣты разбросаны; своею саблею разрушилъ онъ на дернѣ Гуртадомъ начертанныя буквы. Ревность напрягала его руки; ярость давала ему силы. Они любятся и будутъ вѣчно любиться. Слова сїи наполняли его отчаянїемъ. Мысль быть презрѣннымъ, заставляла его заклинать смерть своего соперника. Смерть Гуртада не была бы отлагаема, естьли бы онъ не разсуждалъ о ежедневныхъ преступленїяхъ сего супруга, тѣмъ болѣе нещастливаго, чѣмъ болѣе влюбленнаго. -- Имъ не можно будетъ, говорилъ онъ, жить въ вѣчной разлукѣ; имъ не можно будетъ из-

бѣгнуть смерти. —

Онъ направилъ стопы свои къ жилищу Миранды; онъ ее засталъ сидящую, голова ея висѣла на рукѣ, а плечемъ своимъ оперлась она на столъ. Уже отъ восхода солнца протекло десять часовъ: ахъ! сколь они были долги! сердце ея трепетало! онъ меня дожидается. — Сто разъ вставала она, чтобъ идти къ Гуртаду; сто разъ возвращалась она. Въ таковыхъ минутахъ пришествіе Сирипы было ей весьма тягостно; очи ея безпрерывно противъ ея воли обращались на поле. Ухо ея искало гораздо пріятнѣйшаго гласа нежели Касикова. Сколь страннымъ казался ей образъ изъясненія его въ любви! Сирипа

говорилъ ей повелительнымъ образомъ; но любовники не бываютъ между собою повелительны. Онъ повелѣвалъ, онъ угрожалъ, онъ устрашалъ; онъ говорилъ о смерти и наказанїяхъ, когда любовь говоритъ токмо о благополучїи и жизни. Миранда не удостоила его даже отвѣта. Сирипа вышелъ въ бѣшенствѣ.

Гуртадо возвратился; онъ нашелъ жертвенникъ разрушеннымъ. Онъ старался его паки воздвигнуть. Дерна не недоставало: цвѣты покрывали поля. -- Все въ сихъ странахъ, говорилъ онъ, благопрїятствуетъ любовникамъ, изключая Касика и его жестокосердыхъ прислужниковъ. --- Сїя работа истре-

била вѣ немѣ мысль о долгомѣ медлѣнiи Миранды. Трудиться для своей любовницы есть тоже, что ее и видѣть. Но скрывающееся солнце возвѣщаетѣ ему, что она не прiйдетѣ. Онѣ повергается на камень. -- Она не пришла, говорилѣ онѣ, о Боги! такѣ я ее не видѣлѣ! кто могѣ ее удержать? Должно ли мнѣ страшиться новыхѣ бѣдствiй? Миранда не изнемогаешь ли ты на ложѣ болѣзней? не повреждены ли источники твоей жизни? или не принуждена ли ты быть вѣ оковахѣ возлѣ Касика. -- Едва онѣ имѣлѣ дыханiе. Великая тяжесть угнѣтала его сердце. Онѣ забываетѣ запрещенiе приближаться кѣ жилищу Миранды. Онѣ презираетѣ всѣ опасности.

Не можетъ онъ умѣрить своей нетерпѣливости; онъ дожидается, что бы сгустились тѣни: посреди мрака шествуетъ онъ, онъ шествуетъ дрожащими стопами. Сердце ему болѣе нежели глаза показываютъ жилище Миранды. Съ дрожащею рукою прикасается онъ къ вратамъ. Простершись на пескѣ и преклоня ухо, слышитъ онъ токмо дуновенїе Миранды. Она, казалось, плакала. Онъ ближе подходитъ; это она, ни кто, какъ она. Миранда, вскричалъ онъ тихонько, это я. --- Это онъ, говорила она, такъ, онъ; она приближается къ вратамъ и говоритъ: бѣги, возвратись въ свое мѣсто. Естьли Касикъ тебя услышитъ, то мы погиб-

немъ. Я трепещу, что бы тебя не увидѣли. Завтря! любезный супругъ. -- Я тебя видѣлъ и я возвращусь довольнымъ. Почто не видѣлъ я тебя сего дня? — Завтря, говорила она, я . . . .

Миранда хотѣла вознаградить тотъ день раннѣйшимъ приходомъ и необыкновенно позднѣйшимъ выходомъ. Она шла въ легкихъ тѣняхъ утра. Стопы ея впечатлѣвались въ лоняхъ розъ. Гуртада еще тамъ не было. -- Онъ прїйдетъ, говорила она. -- Надежда удаляла отъ нее скуку и удержала нетерпѣливости безпокойство. Сидя на дернѣ, око ея съ радостїю взирало на обновленїе дня. Уже была она объята радостїю, когда Аврора свѣтозарными лучами отъ во-

стока исшедшими прогоняла ночь къ предѣламъ небесъ. Гуртадо уже появлялся . . . Сердце ея трепетало! -- Боги! говорила она, сколь пріятно видѣть раждающееся солнце и съ нимъ явившагося любовника! Гуртадо, говорила она, прибѣжавъ къ нему, это я. -- Это ты, отвѣтствовалъ онъ. — Она хотѣла броситься въ его объятія. Но благополучное разсужденіе ее удержало: древо стояло на пути: древо обнимаетъ она. --- Прими, дражайшій Гуртадо, прими сей поцѣлуй. -- Гуртадо прилагаетъ уста свои къ тому мѣсту, гдѣ Миранда приложила свои. -- Его болѣе нѣтъ, говоритъ онъ, сего дражайшаго залога. Онъ проникъ всю мою

внутренность.

Мы не намѣрены описывать здѣсь все, что они другъ другу говорили и изступленіе ихъ радости. Въ перьвый разъ принесъ Гуртадо бутылку лучшаго Испанскаго вина, котораго ему въ руки доставилъ нечаянный случай. -- Онъ его предлагаетъ Мирандѣ. Сїе вино, говоритъ онъ, воспоминаетъ намъ наше отечество. -- Ахъ! почто оставили мы его, говорила Миранда. -- Любовь къ славѣ, честь, жадность къ богатствамъ . . . . О! вредныя желанїя. --

Доколѣ они предавались сожалѣнїямъ; доколѣ они вмѣстѣ прохаживались, представляя очамъ своимъ образы претекшаго; доколѣ сердца ихъ пересе-

лялись, въ времена достойныя сожалѣнія, солнце ускоряло свое кругообратное шествіе. Оно уже достигло высочайшей своей точки. Съ сей своей свѣтлозарной высоты обѣяло оно весь міръ своими пламенными лучами. Правитель вселенныя, онъ въ сіе мгновеніе изъявляя весь свой блескъ, уклонялъ всѣ одушевленныя существа подъ струями свѣта. Уже всѣ животныя появились на землю и заблуждались въ густыхъ колыбеляхъ, — коими она въ разныхъ разстояніяхъ увѣнчана, кои изъ ея внутренности исходятъ подобно пучкамъ, и коими она любитъ украшаться. Гуртадо и Миранда искали убѣжища отъ дневнаго зноя. Вдругъ

они погружены были въ лѣсу, вдругъ покрыты густою тѣнью; пѣнїе птицъ и журчанїе источника уклоняли ихъ ко сну. Уже гораздо прохладнѣйшїй воздухъ окружалъ окрестность лѣса; пары въ близи изъ источника исходившїе распространяли прохладу; влажный дернъ приглашалъ садиться на мягкую мураву. Гуртадо и Миранда пали на дернъ. Они были столь близки другъ къ другу! Миранда встрепетала. — Удались отъ меня, говорила она, удались. — Онъ нѣсколько удалился. Миранда уже перемѣняется; онъ возвращается и она не бранитъ его болѣе.

Мы не намѣрены далѣе описывать степени слабости и

внезапности любви; должно думать, что мы трусливѣе любовниковъ.

Естьли бы дикій спіонъ Касиковъ дерзнулъ; то бы сіи двое любовниковъ прекратили жизнь свою смертію безъ всякой горести; или лучше сказать, естьлибъ сей свирѣпый Аргусъ былъ чувствителенъ и почиталъ прибѣжище любовниковъ и торжество любви. Онъ призвалъ себѣ на помощь спіоновъ Сирипиныхъ, кои въ разныхъ разстояніяхъ были поставлены: всѣ прибѣжали, чтобъ окружить нещастныхъ супруговъ. --- Мы умремъ, говорила Миранда. --- Гуртадо угнѣтенный бременемъ отчаянія, не говорилъ болѣе, не смѣлъ обра-

щать своихъ взоровъ на Миранду. -- Это я, который тебѣ наноситъ смерть. Миранда въ сїе мгновенїе доказала, что полъ ея умѣетъ сносить съ большею твердостїю нещастїя; она доказала, что женщина, которая любитъ, можетъ и умѣетъ все перенести для своего любовника, не помышляя о жребїи, который ея постигнуть можетъ. Миранда не имѣетъ болѣе дѣлать укоризнь; она не сожалѣетъ болѣе о жизни. --- Мнѣ прїятно, говоритъ она, потерять ее за такую цѣну. -- Она болѣе ничего не страшится; рука ея ищетъ руку Гуртадову, обвивается около его шеи, и казалось, какъ будто душа ея силилась перейти въ душу любе-

знаго ея супруга. — Прими, любезный супругъ, прими нѣжныя объятїя. Закроемъ книгу протекшаго времени; будущность не имѣетъ болѣе права насъ устрашать: настоящее намъ остается: и такъ воспользуемся онымъ. Воспользуемся онымъ, что бы сказать, что мы никогда не преставали другъ друга любить. -- Гурпаду оставались токмо одни рамена, чтобъ приподнять Миранду и прижать ее къ своимъ персямъ; очи его облившїяся слезами орошали чело Миранды. Миранда отплачивала ему тѣми горькими слезами, коихъ ласки дѣлаютъ сладостными.

Они шли далѣе. Спїоны извѣстили Касика; они предстали

предъ нимъ. Сирипа едва могъ удержаться отъ бѣшенства . . . И такъ вы дерзнули . . . . О! дорого вамъ станутъ сіи краткія минуты . . . Сколь бы велики ни были твои преступленія, о Миранда! я могу тебя простить. Но ты щастливый соперникъ, ты не долженъ ничего ожидать отъ моей милости. -- Я отказываюсь отъ жизни, сказала Миранда; для него я жила, для него хочу я умереть. Предпочесть тебѣ смерть, довольно доказываетъ презрѣніе, которое я имѣю къ жизни, которую бы мнѣ должно было провождать безъ его, а съ тобою. -- Ты хочешь, недостойная Миранда, ты будешь удовлетворена. -- Тотчасъ повелѣлъ онъ

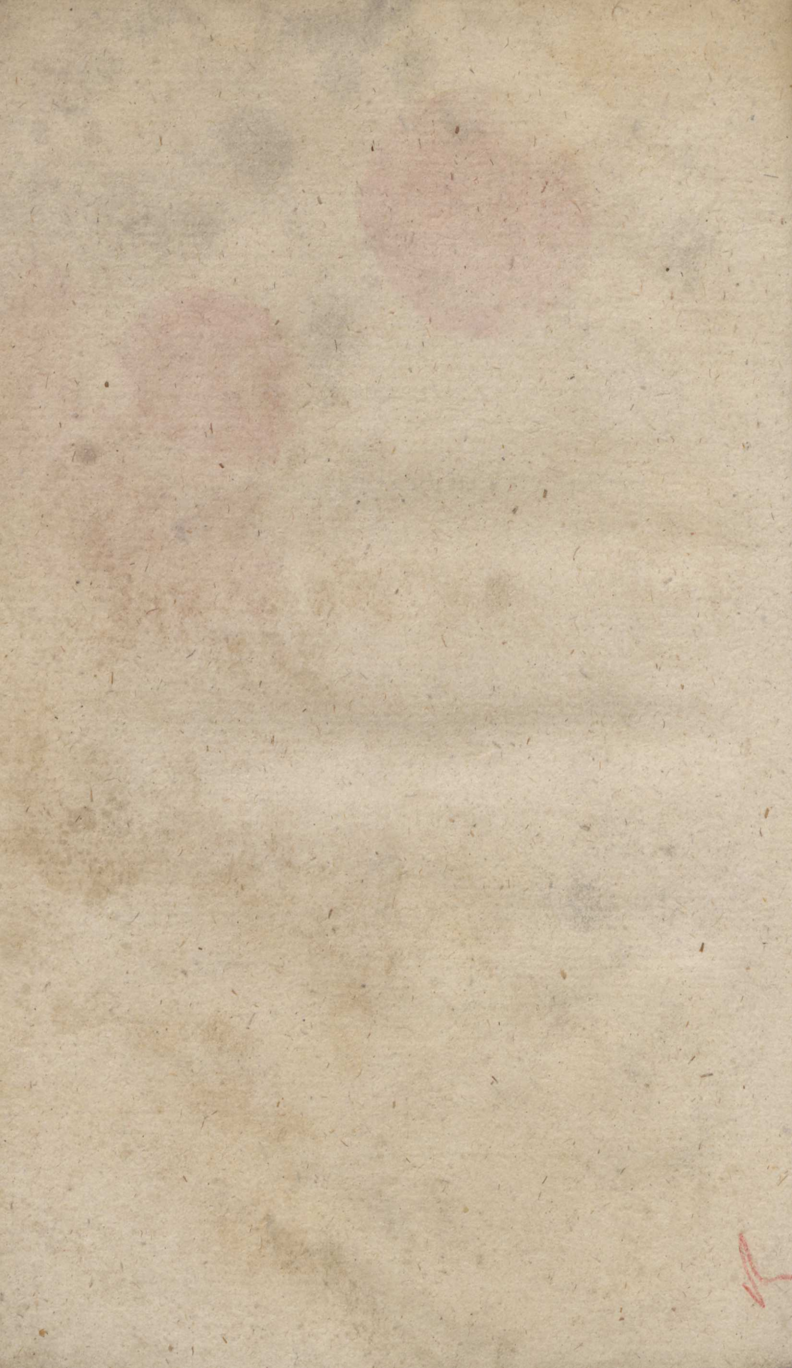
вкопать два столба, къ которымъ Гуртадо и Миранда были привязаны. Они видѣли приготовляемый округъ ихъ костеръ, который уже начиналъ ихъ обращать въ пепелъ. Миранда превыше ужаса взирая на Гуртада, говорила ему: --- Обрати твои взоры на дражайшую тебѣ Миранду. Намъ мало минутъ остается жить, воззри на меня. --- Ахъ! любезная другиня; какой жребїй; причина весьма лестна; покажемъ дикимъ, что мы умѣемъ умирать и презирать мученїя. Повтори со мною гимнъ любви: о Богъ! одушевляющїй всю природу, Богъ живыхъ; утѣшитель и отецъ обоихъ мїровъ, ты, который сближаешь предѣлы вселенныя

столь пріятными цѣпями, который соорудилъ благополучіе нашея жизни, прими нашу послѣднюю благодарность; прими сей вздохъ; се есть послѣдняя наша жертва. Пламе подъималось и окружало ихъ дымомъ, который не уменшался. Они безпрерывно пѣли; когда дымъ сдѣлалъ между ими облако, Миранда вскричала: прими, любезный супругъ, послѣдній вздохъ твоей супруги; прощай. ---- Естьли есть другой свѣтъ, говорилъ Гуртадо, къ которому тираны приближиться не смѣютъ; естьли есть небо, гдѣ чувствительныя души находятся, то я желаю скорѣе тамъ быть. Боги! почто не могу я умереть съ тою мыслію, что

я соединюсь съ тѣмъ, что я люблю. — Вскорѣ соединюсь я съ тобою, — сказала Миранда, прощай. -- Потомъ въ скоромъ времяни огнь обратилъ ихъ въ пеплъ.

Такова-то была участь перьвыхъ Европейскихъ мореходцовъ, открывшихъ Парагвай! Европа научила Америку отмщевать; жестокія преступленія вскорѣ заставили краснѣть сїе новое полукружїе. Свирѣпые и жадные Португальцы и Испанцы плавали въ крови спокойныхъ дикихъ и умирали иногда отъ ударовъ народа вольнаго, укрощеннаго, но всегда упорнаго.

Конецъ.

1957